

Алексей Митрофанов
Ордынка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Ордынка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Ордынка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909186-4

Эта улица тиха, провинциальна и загадочна. Она скупа на настоящее, она —
вся в прошлом. Невысокие старые домики на самой улице, и такие же — в
отходящих от нее уютных переулках. Московский дух здесь, как ни странно,
сохранился, и почувствовать его совсем не сложно.

ISBN 978-5-44-909186-4

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Школьный учитель Рахманинов	6
Листов завод	9
Резиденция господина посла	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ордынка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-9186-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странное название у этой улицы. Ведь монголо-татарские орды – скорее трагедия нашего города, да и нашей страны. И уж никак не достижение, никак не светлая страница отечественной истории. Так зачем совершать этот странный поступок? Зачем называть улицу в честь орды? Да еще добавлять, что Ордынка – большая?

В действительности, все довольно просто и совсем не страшно. С тем, что Большая – в общем-то, понятно сразу. Просто есть еще и Малая Ордынка, она проходит слева от Большой (если стоять спиной к Кремлю).

С Ордынкой дело обстоит сложнее, но, опять же, в рамках постигаемого. Улица получила свое название по вполне понятной причине – здесь проходила дорога в Золотую Орду. И, конечно, селились «ордынцы». А «ордынцами» звали татаро-монгольских послов.

Тут и сегодня немало посольств – к примеру, Кыргызстана (бывшее постпредство Киргизской ССР). А также Руанды, Мавритании, Кении, Гвинеи-Бисау и Израиля.

Эта улица тиха, провинциальна и загадочна. Она скупа на настоящее, она – вся в прошлом. Невысокие старые домики на самой улице, и такие же – в отходящих от нее уютных переулках. Писатель А. Пазухин наслаждался: «Между Полянкой и Ордынкой расположены очень уютные и весьма тихие переулки, похожие на безлюдные улицы наших провинций и населенные преимущественно средним купечеством, которое имеет там свои дома, переходящие из рода в род и большею частью похожие один на другой если не наружным видом, то расположением комнат, двором и характером обстановки. Чистый двор с сарайчиками и амбарами, с резной решеткой, отделяющей двор от сада, с конурой цепного пса, всегда сытого и всегда сердитого, с колодцем под узорным навесом, с путешествующими по двору курами под предводительством важного петуха. Комнаты в доме уютны, с запахом деревянного масла и вечно цветущего жасмина, с портретами в гостиной „самого“ и „самой“ в золоченых рамах, с мезонином или антресолями, где обыкновенно живут „барышни“ – те беленькие, румянькие барышни, которых всегда встретишь в замоскворецких церквах, нарядно одетых и бросающих боязливый взоры на молодых людей непрекрасного пола вообще, а на носящих военный мундир в особенности».

Конечно, с того времени многое изменилось. Но московский дух здесь, как ни странно, сохранился, и почувствовать его совсем не сложно.

Школьный учитель Рахманинов

Усадебный дом (Софийская набережная, 8) построен в конце XVIII века.

Официально улица Ордынка начинается от Малого Москворецкого моста, сооруженного над Водоотводным каналом, отделяющим Замоскворечье от так называемого Острова. Но, фактически, улица начинается от Большого Москворецкого моста, протянутого над рекой Москвой. А если быть еще точнее – от Софийской набережной.

Первая же достопримечательность на этой набережной – бывшее Мариинское училище. Оно располагалось в здании бывшей усадьбы генерал-майора А. Дурасова и почиталось как одно из лучших в городе Москве. В нем воспитывалось около трех сотен девушек, в большинстве своем дворянского происхождения. Кстати, здание было куплено в 1860 году специально для училища. В те времена подобной роскошью могло похвастаться отнюдь не каждое учебное учреждение – аренда была все-таки доступнее.

Образование давали основательное – каждая девица обучалась восемь лет. Преподавательский состав был, разумеется, на высоте – в частности, преподавателем музыки здесь служил сам Рахманинов. Одна из учениц писала: «Московское Мариинское училище было учебным заведением полузакрытого типа. Часть воспитанниц жила в училище, другая же часть была приходящей. В 1896 году я поступила в училище и в том же году, если не ошибаюсь, в первый раз увидела Сергея Васильевича Рахманинова. Спокойной, медлительной походкой входил он в класс, садился за стол... Затем, опустив голову на руки, на пальцы, вызывал ученицу... Желая, чтобы ученица называла, скажем, интервалы в восходящем направлении, он, по-прежнему не глядя на нее и опустив голову, показывал движением первого пальца справа, какой интервал нужно было назвать.

– А теперь обратно домой, – говорил он. И палец двигался в левую сторону.

Своим детским сердцем я чувствовала, что передо мной сидит большой человек и стыдно не знать урока.

...В училище ежегодно устраивался в пятницу на шестой неделе Великого поста большой публичный отчетный концерт или, как он у нас назывался, акт, собиравший всегда полный зал... Теперь, когда прошло столько лет и этот гениальный человек известен всему миру, трудно себе представить, что наш скромный хор воспитанниц пел под его изумительный аккомпанемент... Однажды, помню, приехал к нам с профессором Александром Борисовичем Гольденвейзером. Они играли на двух роялях первую сюиту Рахманинова. Музыка эта привела нас в восторг. В особенности последняя часть, в которой чудесно звучит тема праздника на фоне колокольного звона».

Казалось бы, после такого обучения можно бы в университете лекции читать. Или, как минимум, в консерватории. Так нет же – выпускницы становились гувернантками. Дело в том, что училище было благотворительным, и у выпускниц не было средств для независимого и достойного существования.

При всем при этом обучение было платным. Реклама сообщала: «Мариинское женское училище, Софийская наб. Окончившие курс получают права домашних учительниц. Принимаются девицы всех сословий христианского вероисповедания. Курс 8-летний. В младший класс принимаются до 10 лет. Приходящие за плату 40 рублей в год получают горячий завтрак. В 1913 году открыто словесное отделение педагогического класса, куда поступают без экзамена окончившие гимназии и институты ведомства императрицы Марии и, с проверочными экзаменами, окончившие гимназии Министерства народного просвещения. Годовая плата за обучение 100 руб. в год с 1 по 4 класс и 120 руб. с остальных. За содержание в пансионе 300 руб.

Сверх того вносят на первоначальное обзаведение 65 руб., а приходящие на пополнение библиотеки 10 руб. Желающие обучаться музыке платят 60 руб. в год».

И тем не менее, желающих учиться в этом заведении было предостаточно.

* * *

Традиция продолжилась. При советской власти здесь открылась школа, в которой, среди прочих, обучались дети привилегированных родителей – обитатели «Дома на набережной». Один из учащихся школы М. Коршунов вспоминал в книге «Тайна тайн московских» (в соавторстве со своей супругой Викторией Тереховой): «В солнечный день мы влезали на старенькую и очень домашнюю крышу и грелись у старенькой стены. Сидели, как где-нибудь на лесной опушке. По крыше бродили голуби, прыгали вечно пыльные воробьи. Мы подкармливали их хлебными припасами, прихваченными в школьном буфете на первом этаже. В желобке крыши валялись старые чернильницы, обломки деревянных линеек, огрызки карандашей, измученные, пострадавшие тряпки, которыми некогда вытирали школьные доски, короче – отходы образования.

Мы сидели, лениво перебрасываясь ничего не значащими словами. Дремотно, покойно, уютно. Нас никто ниоткуда не видел, а мы видели внутренний сельского вида двор, сложенные на нем дрова, кучу угля, круглые плетеные корзины, летом – зеленую лужайку. Там на занятиях по военному делу мы метали свои первые учебные гранаты и атаковали дрова, как вражеские укрепления».

Похоже, больше не было в Москве таких уютных школ с такими человеческими традициями. И, разумеется, учителя были подстать: «Василий Тихонович не только успевал просто и понятно объяснять новую тему, новый материал, но еще и проходить с нами задачки. Слово «задачки» было у нашего физика любимым. Перед началом урока спрашивал:

– Кто и сколько решил дома задачек? Кто только одну?

Надо было честно поднять руку.

– Кто две? Кто три? Кто все?

Решить все задачки считалось самым почетным, конечно. Если попадалась очень сложная, не под силу даже таким специалистам, как Рэм Меркулов, то решали всем классом. Василий Тихонович никого лично не перепроверял – кто и сколько решил – и выставлял отметки «по нашим показаниям». Отметки у него были «превосходные» и «непревосходные», это помимо официальных. Мы никогда не обманывали нашего физика, никогда не списывали – гордились доверием, и если дома кто-то, вместо того чтобы работать, решать задачки, просто стоял и стенку подпирал, то открыто в этом признавался. Василий Тихонович нам втолковывал, что ложь из маленькой очень легко и просто вырастает в большую, по-настоящему опасную, граничащую где-то уже с клеветой... Учитель прекрасно понимал, из какого дома в основном сидели перед ним ученики, и он учил нас не только физике, но чистоте помыслов при достаточно больших, а иногда и огромных возможностях... Другой наш любимый учитель, Додик-литератор, гений и новатор, не только вел литературу, а занимался с нами русским языком, как говорится, по доброй воле. Не терпел безграмотности. Если после очередного сочинения мы в очередной раз демонстрировали изумляющее человечество «грамматическое бескультурье», он обрушивал на нас серию совершенно бесчеловечных диктантов. Оставался заниматься с нами дополнительно. Мы с Олегом частенько отсиживали дополнительные «русские уроки». Осень, за окном смеркается уныло так, все грамотные давно уже дома, а мы, безграмотные, сидим в классе и сражаемся с причастными и деепричастными оборотами, двойными согласными, безударными гласными, чередованиями и окончаниями... Давид Яковлевич учил нас не только правописанию, но и языковой культуре, заставлял пользоваться справочниками, сборниками критических статей, и мы сидели за партами, обложившись десятками книг».

Удивительно, что и ученики прекрасно понимали свою будущую «миссию» – и совершенно осознанно повышали свой уровень грамотности, образованности и культуры.

А «рояль Рахманинова» почитался как большая достопримечательность.

* * *

Кстати говоря, именно эта местность более всего страдала от московских наводнений. Трудно в такое поверить, однако раньше Москву заливало очень часто. Разумеется, весной, во время паводка. Крупнейшая же из подобных катастроф прихлась на 1908 год.

Разумеется, больше всего это касалось тех районов, которые находились поблизости от Москвы-реки. Чуть меньше наводнение сказывалось на набережных Яузы. А территория между Москвой-рекою и Отводным каналом, так называемый остров вообще превращался в этакую Венецию. Его полностью заливало.

Зрелище было красивым. Москвичи передвигались по родному городу на лодках или же плотах. Из окон ловили рыбу. Выгнутые мостики становились островами. Потрясающе!

Однако бед было гораздо больше. Подмывались фундаменты. Полностью уничтожались деревянные и каменные мостовые. Деревянные домики просто сносило. Из магазинов и со складов в неизвестном направлении уплывали товары. Разумеется, ничего не оставалось от садов и огородов, которые так любили и лелеяли москвичи.

В наводнение 1908 года было затоплено 16 квадратных километров городской территории. Общая длина улиц, оказавшихся под водой, составила около 100 километров. На Кремлевской набережной уровень реки поднялся на два с половиной метра. Разумеется, древней крепости это не угрожало, но все равно смотрелось жутковато. Так или иначе из-за этого наводнения пострадало 160 тысяч москвичей – каждый десятый житель города.

Последний раз такое бедствие случилось в 1930 году. Правда, с меньшим ущербом. После этого за дело взялись всерьез, укрепили набережные, построили всяческие гидротехнические приспособления. И теперь московское наводнение может разве что присниться.

Листов завод

Заводской комплекс Листа (Софийская набережная, 12) построен в 1873 году.

Все началось в 1863 году, когда купец первой гильдии Густав Лист открыл на улице Петровке маленькую мастерскую, производящую пожарный инвентарь – в первую очередь насосы и сосисы (так в те времена называли пожарные шланги). Прошло одиннадцать лет, и Лист перевел производство на Софийскую набережную. Можно сказать, не по собственной воле – его пожарная мастерская сгорела, тем самым косвенно подтвердив целесообразность данного промысла в Москве. К счастью, деньги к тому времени у Листа появились, и он открыл уже не скромненькую мастерскую, а вполне себе завод. Ворота же украсили скульптуры литейщика и кузнеца.

Лист, не долго думая, назвал завод Софийским (было, впрочем, и другое имя – «Густав Лист»). И поселился при нем сам.

Уклад здесь был полусемейный. По праздникам в доме самого Листа устраивались концерты – силами самих сотрудников противопожарного предприятия. За полчаса до начала смены, ежедневно каждому рабочему давали чай с хлебом и сахаром. Это преследовало сразу две цели – во-первых, подкрепить работника перед тяжелым днем, а во-вторых, создать некую атмосферу общности.

Впрочем, являться к утреннему чаю было совсем не обязательно.

Заказчики шли к Листу нескончаемым потоком. Заявки начинали с льстивых предисловий: «Екатеринославская губернская земская управа сим удостоверяет, что приобретенные за период 1876—1897 годы пожарные насосы в количестве 986 штук для сельских обществ и земледельцев оказались во всем исправными и доброкачественными».

Или: «Милостивый государь, Густав Иванович! Комиссия Военного ведомства пришла к заключению, что механический завод „Густав Лист“ приготавливает ручные и паровые насосы отличные по прочности, хорошей конструкции и тщательной отделки».

Производство развивалось. К революции на листовском заводе насчитывалось 1600 рабочих. Очень кстати были именно заказы от военных – всюю шла Первая мировая. А вот революция пришлась совсем не кстати – завод национализировали.

Кстати, сами рабочие этому в свое время способствовали – в 1899 году здесь распространялась первомайская листовка, написанная не кем-нибудь, а будущим наркомом просвещения Луначарским. А в революцию рабочие и вовсе присоединились к армии восставших. Первый советский директор завода писал: «В 1917 году завод Г. Листа насчитывал около 1600 рабочих, причем большинство членов партии были твердыми большевиками. Замоскворецкий РК РСДРП (б) командировал сюда политическим руководителем К. В. Островитянова, впоследствии академика. Стратегическое положение завода напротив Кремля – центра сопротивления белогвардейцев – диктовало тактику боя. Заводское вооруженное формирование под руководством Н. В. Федорова держало оборону Москворецкого моста и набережных Замоскворечья. После удачного прорыва на левую сторону Москвы-реки ожесточенные бои развернулись на Остоженке за Провиантские склады».

Словно желая отыгаться за два предыдущих пафосных названия, заводу дали имя весьма скромное: «Завод №5». Правда, потом его переименовали в «Гидрофильтр», а затем и в «Красный факел».

* * *

Кстати, иной раз завод, помимо воли, участвовал в жизни соседней школы. Уже упомянутый М. Коршунов писал: «Наша староста Зина Таранова сломала ногу. На классном собра-

нии неожиданно-негаданно кто-то выкликнул меня на должность временно исполняющего обязанности старосты. Очевидно, в этот оболстительный момент во мне шевельнулось тщеславие, дало свой каверзный дурманящий росток, и я принял высокий пост, как говорится, без всякой ложной скромности. А Левка был в панике: он прекрасно понимал, что ни я, ни Олег, ни сам он не созданы для администрирования. Уже на ближайшем уроке немецкого языка возник скандал – уж очень мы не любили эту учительницу. Кличка – Спица. «...Истеричная, крикливая, злобная и придирчивая бестия». Это о ней Лева. А это – Юра: «Пишу я, бешенством объятый, немецкий – жизненный дефект. О будь вы сотни раз прокляты – Футурум, Презенс и Префект».

– Где ваш авторитет? – грозно обратилась ко мне Спица. – Класс разболтался, вышел у вас из подчинения. Сплошные безобразия! Keine Ordnung (Нет порядка).

Потом неожиданно загудел завод «Красный факел», рядом с нами.

– Кто гудит? – завопила Эсфирь Семеновна».

Резиденция господина посла

Особняк Харитоненко (Софийская набережная, 14) построен в 1893 году по проекту архитектора В. Залесского.

Харитоненко – фамилия купеческая. По меркам Москвы не сказать, чтобы древняя – лишь в середине девятнадцатого века основатель дела И. Г. Харитоненко решил заработать на сахарной свекле. И преуспел. К двадцатому столетию династия была одной из самых видных в городе. А родовой особняк – одним из самых знаменитых мест в Москве, где регулярно собирались любители искусств. Здесь пел Шаляпин, играл Скрябин, а на стенах были вывешены подлинники передвижников.

Князь С. Щербатов описывал это жилище: «Харитоненко обожал французскую живопись, но презирал современное искусство и считался в художественном мире «*vieux rompré*». Он тратил огромные деньги на крошечные Мэссонье, потолок его гостиной был расписан Фламэнгом. Увлекался он и пейзажами Барбизонцев и лишь под конец жизни стал приобретать и русскую живопись.

Хотя к его собранию живописи передовые меценаты относились несколько свысока, но искренней, интимной, любви к картинам «для себя» в нем было больше, чем у них, и я очень ценил в нем эту искреннюю, подлинную любовь к своим приобретениям. Под конец жизни она вся излилась на собирание древних русских икон, которым увлекалась, более его самого, его жена Вера Андреевна... У Харитоненки я впервые познакомился с бывшим послушником Афонского монастыря и начинающим быть знаменитым художником Малявиным. Он писал большой портрет Павла Ивановича с сыном, писал он его странным способом, так как натурщики были нетерпеливые. Зарисовывая отдельно нос, глаза, рот, характерные особенности, он по этим документам составлял портрет на холсте. Вышло довольно неудачно.

Из роскошной гостиной с золоченой мебелью Обюссон, через залу, где на изысканном вечере, на эстраде, украшенной цветами, танцевала прима-балерина Гельцер, Харитоненко, по желанию моего отца, раз провел его и меня к своей матери, никогда не показывавшейся в обществе.

Сморщенная старушка, в черном повойнике, живой портрет Федотова или Перова, пила чай за своим самоваром в довольно скромной спальне с киотом и портретом рослого крестьянина в длиннополом сюртуке, ее покойного мужа, умнейшего сахарозаводчика и филантропа, создавшего все состояние Харитоненков».

Самые же колоритные воспоминания о доме Харитоненко оставила Т. А. Аксакова-Сиверс: «В Москве говорили: «Хари тоненьки, но карманы толстеньки». Карманы были действительно толстеньки, но и овалы лиц милейших Павла Ивановича и Веры Андреевны были скорее округлыми, чем тонкими. Это не мешало Павлу Ивановичу иметь свой приятный стиль; когда он, небольшого роста, плотный, с пушистыми усами, седыми волосами «щеточкой» и выпуклыми глазами стоял во фраке у подножья своей знаменитой, обитой гобеленами темно-дубовой лестницы и радушно принимал всю Москву, я всегда вспоминала «Кота в сапогах», который тоже принимал когда-то короля и маркиза Карабаса в вестибюле средневекового замка.

Вера Андреевна Харитоненко, несмотря на свое дворянское происхождение (она была дочерью курского помещика Бакеева), производила более простоватое впечатление, чем ее муж. Ходила она, переваливаясь с боку на бок, и заводила долгие тягучие разговоры, которые неизменно заканчивались словами: «Ну что вы на это скажете?» Собеседник обычно ничего не мог сказать, т.к. плохо следил за нитью разговора, и последний вопрос ставил его в тупик... В возрасте 12-ти лет я довольно часто бывала у Харитоненко по воскресеньям, бегала по всему

дому, играя в мяч с Ваней и его двоюродным братом Борисом Бакеевым, мальчиком нашего возраста с пепельными волосами, глазами ярко-голубого цвета и тонкими поджатыми губами. Борис был замкнут, себялюбив и, как мне казалось, тяготился своим положением бедного родственника. . . . Несколько годами позднее в доме Харитоненко образовалась компания молодежи, в которую я прочно вошла; для этой-то зеленой молодежи устраивались спектакли под режиссерством Москвина, пела Вера Панина, танцевала Гельцер, индийские факиры показывали умопомрачительные фокусы, на Рождество давались балы с цветами из Ниццы, а на Масленицу бывали блины и катания на тройках.

Харитоненко горячо откликались на все события русской жизни. В начале 1912 года капитан Седов приехал в Москву собирать средства на свою экспедицию к Северному полюсу. Павел Иванович первым подписал крупную сумму на оснащение «Святого Фоки». В честь Седова был устроен завтрак. Я сидела с входившим в нашу компанию Владимиром Долгоруковым и смеялась над его предположениями, что благодарный Седов назовет вновь открытые земли «Пашин нос», «Верина губа» и «Ванин перешеек».

Господа Харитоненко жили на широкою ногу. Каких только забав ни устраивали в этом особняке на радость друзьям-москвичам: «В Рождественский сочельник у Харитоненко устраивалась елка. В 9 часов вечера подавался ужин, причем под скатертью, по малороссийскому обычаю, лежал тонкий слой сена, поверх же скатерти – букеты фиалок и ветки мимозы.

Под салфеткой приглашенные находили какой-нибудь рождественский подарок. Девочки Клейнмихель и я, как наиболее любимые, находили обычно на тарелках замшевый футляр с какой-нибудь драгоценной безделушкой – чаще всего брошкой из мелких бриллиантиков или уральских камней. В 1908 году я получила на елку золотой браслет с подвешенной к нему медалькой святой Цецилии, покровительницы музыки, работы парижского ювелира Бушера. . . . У тех же Харитоненко мне пришлось много раз слышать Веру Панину; ее привозил брат Веры Андреевны – Сергей Андреевич Бакеев, у которого была с нею старая связь. Варвару Васильевну Панину обычно сопровождал ее аккомпаниатор Ганс с большой цитрой. Грузная и очень некрасивая, она садилась у стола, облакачивалась на него и начинала петь своим низким грудным голосом так, что у вас не оставалось в душе ни одного уголка, не затронутого этими звуками. . . . В доме Харитоненко я участвовала в двух любительских спектаклях. . . . Оба раза в качестве режиссера был приглашен Иван Михайлович Москвин. Думаю, что хозяевам эти затеи стоили очень дорого, т.к. иначе вряд ли Москвин согласился бы возиться с 16-летними актерами, не умеющими ни ступить, ни сесть на сцене».

Та же Аксакова-Сиверс описывала и сам особняк: «Дом Харитоненко был большой особняк из серого камня с подъездом внутри асфальтированного двора, отделенного от набережной Москвы-реки чугунной решеткой. Такой дом мог стоять и в Париже, и в Лондоне, но вид, открывавшийся из зеркальных окон его фасада, был неповторим. Прямо против окон развевалась панорама Кремля. Торжественные контуры соборов, башен, зубчатых стен, все то, что мы привыкли видеть в некотором отдалении, было тут как на ладони.

Внутреннее убранство дома было очень хорошо. Особенно славилась уже упомянутая мной широкая, отлогая лестница темного дуба в стиле английской готики. Поднималась она из обширного вестибюля, причем под ее первым пролетом находился самый уютный в доме закоулок – нечто вроде маленькой полутемной гостиной с низкими мягкими диванами, парчовыми подушками и оправленными в темную бронзу зеркала. Свет на лестницу проникал через два больших витро; левое изображало охоту на дикого кабана, а правое – въезд рыцарей на площадь средневекового города. На верхней площадке по бокам большого камина стояли два достойных леди Макбет седалища под бархатными балдахинами с плоскими подушками, отделанными золотым галуном. Пол, стены и ступени – все было затянуто гобеленами и старинными тканями».

Словом, не дом, а музей.

* * *

После революции семейство, не особенно рассчитывая на скорейшее падение большевиков, убыло в эмиграцию. Здесь же разместились миссия Датского Красного Креста. С тех пор особняк так и пребывает в ведении министерства иностранных дел. После Красного Креста здание около десятилетия использовалось как гостевой дом Наркоминдела. В нем останавливались Арманд Хаммер и Герберт Уэллс. Последний писал: «Особняк для гостей правительства, где мы жили вместе с г. Вандерлипом и предприимчивым английским скульптором, каким-то образом попавшим в Москву, чтобы лепить бюсты Ленина и Троцкого, – большое, хорошо обставленное здание на Софийской набережной... расположенное напротив высокой кремлевской стены, за которой виднеются купола и башни этой крепости русских царей. Мы чувствовали себя здесь не так непринужденно, более изолированно, чем в Петрограде. Часовые, стоявшие у ворот, оберегали нас от случайных посетителей, в то время как в Петрограде ко мне мог зайти поговорить кто хотел. Г-н Вандерлип, по-видимому, жил там уже несколько недель и собирался пробыть еще столько же. С ним не было ни слуги, ни секретаря, ни переводчика... Подавая на стол, старик-слуга грустно глядел на наше скудное меню, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Карузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы».

Уэллс в общих чертах знал историю этого дома.

Самым же колоритным постояльцем был Энвер-паша, опальный военный начальник из Турции. Один из современников писал: «Были времена, когда жители дома находили Энвер-пашу несколько беспокойным, но, правда, волнующим компаньоном за столом. Так однажды, за едой, он взял бумагу и карандаш и стал рисовать портрет мистера Вандерлипа. В то время, когда он с жаром затушевывал густые черные брови своей натуры, у него сломался карандаш. Тут его застольные собеседники со страхом увидели, как он, яростно вскрикнув, внезапно выхватил из ножен огромный и опасно выглядывший кинжал. Все подались назад от ужаса. Зять калифа аккуратно заточил карандаш и после этого, вложив смертельное оружие в ножны, возобновил свое занятие».

В особняке появлялась и Айседора Дункан. Да еще как появлялась! Устроила целый скандал, да какой! Ирма Дункан (приемная дочь Айседоры и участница всех тех событий) писала: «Флоринский зашел узнать, не захочет ли Айседора пойти с ним на вечер, где должны присутствовать лидеры коммунистической партии. У него была машина, которая ждала на улице, чтобы доставить на вечер танцовщицу. Мысль о том, что она встретится лицом к лицу с великими людьми, которые сражались за революцию и установили новый порядок, привела ее в трепет. Она представляла себе, как она объясняла потом, что увидит идеалистов с просветленными лицами, одетых так, как одевались многие толстовцы, в простых крестьянских одеждах, и любовь к людям будет сиять подобно нимбу вокруг них. Поэтому она поспешила переодеться в то, что считала наиболее соответствующим такому случаю. Она скоро появилась в своей лучшей красной тунике, поверх которой задрапировалась в алую кашемировую шаль – ту самую, в которой она всегда танцевала свои революционные танцы, в частности „Марсельезу“... Вокруг головы она закрутила красный тюлевый шарф в виде чалмы. Затем, накинув на плечи плащ, она отправилась с Флоринским на свою первую встречу с коммунистическими лидерами».

Но реальность оказалась несколько иной: «Вечер давался в особняке Карахана (в то время заместителя наркома иностранных дел. – А.М.), который Клер Шеридан так хорошо описала в книге, рассказывающей о ее жизни в России. Этот дом, который стоит на южной стороне Москвы-реки и фасадом выходит на Кремль, когда-то принадлежал сахарному королю России и демонстрировал плохой вкус в убранстве интерьера.

Айседора, сияющая и взволнованная, явилась со своим эскортом в большой зал, декорированный и даже сверхдекорированный в стиле Людовика XV. За большим столом в центре зала сидели все товарищи, важные, довольные и хорошо одетые. Они слушали, бросая взгляды, выражавшие разную степень интереса, на даму, которая стояла у большого рояля и щебетала какую-то французскую пастораль:

Прелестная девчушка Фиалки продавала,
Те, что весенним утром Она сама сорвала.
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла,
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла!
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла,
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла!

Айседора едва верила своим ушам и глазам. Она переводила взгляд с певицы в вечернем платье на потолок с фигурами, движущимися в менюэте, в стиле псевдо-Вагто. Затем ее глаза отметили аляповатую позолоту в дурном вкусе; затем она взглянула на товарищей, сидящих вокруг и слушающих вокальную бессмыслицу, как любая группа преуспевающих граждан среднего класса в любом месте цивилизованного мира. Выступавшая закончила свою «Пастораль» и совсем было уж собралась начать «Галантную песню», когда оскорбленная танцовщица выступила на середину зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.